

вателей, толкуется иначе, чем у автора¹. В верхнем регистре, после символов богов, обычных для нововавилонских изображений религиозного характера, идет ряд известных семи вавилонских демонов, ниже—изгнание из больного злых духов жрецами в одежде бога Эа, наконец, внизу—злой дух в ладье мертвых, Ламашту. Эта плакетка употреблялась, вероятно, в ритуале изгнания злого духа. На обороте изображена фигура с человеческим телом, орлиными когтями, хвостом скорпиона, четырьмя крыльями и со львиной или собачьей мордой. Данная фигура—хорошо известный в вавилонской иконографии злой демон ветра и «поветрий»—«Пазузу». Сопоставление «Пазузу» с чудовищем персепольского рельефа следует признать правильным. Вообще говоря, для многих изображений на ахеменидских рельефах можно найти нововавилонские прототипы, и данное чудовище, очевидно, не является исключением. Но месопотамские «смешанные существа» могут изображать только демонов². Поэтому я думаю, что более правильно предположение, согласно которому персепольский рельеф изображает Ахримана, главу демонов.

Правильной следует признать высказанную в статье мысль, что сцены борьбы и охоты в раннем иранском изобразительном искусстве являются не чисто бытовыми, а связаны с определенными культовыми представлениями.

Во второй, чрезвычайно интересной статье проф. К. В. Т р е в е р «Художественное значение сасанидских монет» исследуется этот еще почти неиспользованный материал по истории сасанидского искусства. Автор связывает искусствоведческую и историческую периодизации сасанидского времени, подробно анализируя материал по периодам, и указывает на огромное значение монет для истории искусства и культуры Ирана и соседних с ним стран.

А. В. Б а н к в статье «К вопросу о клеймении серебра в Византии» разбирает вопросы терминологии и приходит к выводу, что византийский термин *ἀργύρεον* может иногда толковаться не как «серебро», а как «неклеяемый металл».

Статьи Т. А. И з м а й л о в о й «Архитектурные фрагменты из Анберда» и М. М. Д љ я к о н о в а «Фаянсовый сосуд с иллюстрациями из Шах-Намэ» касаются отдельных вопросов истории культуры средневекового Востока. Роспись сосуда, описываемого в статье М. М. Дьяконова, дает целую серию весьма близких к тексту иллюстраций к эпизоду из Шах-Намэ «Бижан и Манижэ» и дает представление об иранской миниатюрной живописи XII—XIII вв.

Книга издана красиво, на хорошей бумаге и с большим количеством таблиц. Статьи снабжены французскими резюме. К сожалению, первый том «Трудов» носит следы слишком продолжительного пребывания в издательском портфеле. Раскопки Вулли в Уре уже не являются «последними» (статья Н. Д. Флиттнер); ссылка в статье М. Э. Матье о магических статуэтках на работу И. Л. Снегирева 1929 г. как на «недавнюю» (стр. 173) звучит странно. Трактровка древнеегипетского общества И. М. Лурье как «феодализирующегося» или неразвитого феодального (стр. 136) также явно устарела.

И. Дьяконов

«Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры». Вып. IV, V, VI, VII. Л., 1940. 68, 86, 98 и 106 стр.

Четыре новых выпуска «Кратких сообщений ИИМК» составляют вместе объемистый том. Многообразие материала, заключенного в этих выпусках, иллюстрирует обширную работу, которую провели советские археологи и которая до сих пор не получила еще возможности публикации.

¹ В. Meissner, *Babylonien und Assyrien*, B. I, Abb. 213, B. II, стр. 204, 223; А. Jeremias, *op. cit.*, § 164, 415 и др. Аналогичных плакеток нам известно несколько, и не на всех распределение изображений—одно и то же.

² Е. Unger, *Babylon*, стр. 214.

Каждый выпуск открывается изложением докладов сотрудников Института, затрагивающих узловые проблемы древней истории.

В IV выпуске к таким работам принадлежит доклад Е. Ю. Кричевского «Мезолит и неолит Европы». Автор в связи с подготовкой большого раздела первого тома «Всемирной истории» в итоге занятий по мезолиту и неолиту Европы предлагает свою периодизацию. Он считает, что примерно за 3000 лет до н. э. заканчивается процесс разделения населения Европы на «земледельческое» и попрежнему «охотничье-рыболовческое». В период 3000—1800 гг. до н. э. происходят усложнение и дифференциация культуры отдельных районов, а также постепенное распространение скотоводства и у охотников и у скотоводов. Е. Ю. Кричевский дает краткую характеристику многочисленных локальных культур Европы этой стадии, выделенных как и последующие, главным образом по Г. Чайльду. Затем рисуется процесс выделения скотоводческих племен, образующих большие группы: «западно-европейскую» на основе племен Шассей, Уиндмил-хил и михельсбергских; «центрально-европейскую» на основе племен познетрипольских, ленггильско-иосвицтерских, «свайных построек», вальтерниенбургских «мегалитических» и «керамики шнуровых амфор»; «восточно-европейскую» на основе племен с «ямочно-гребенчатой» керамикой, которые дают на севере «фатьяновский», а на юге «ямно-катакомбный» скотоводческий вариант. Все три этапа Кричевский иллюстрирует ясно составленными картами. При общей убедительности доклада нельзя не пожалеть, что Е. Ю. Кричевский продолжает в неолит включать культуры, характеризующиеся уже устойчивой бронзовой индустрией. Это, как и у Г. Чайльда, схематизирует изложение, смазывая вопрос о неравномерности развития различных районов, имеющей огромное значение для их последующей истории.

Статья С. А. Семенова посвящена изучению следов работы на каменных орудиях. Автор предлагает микрофотографический метод определения функций палеолитических орудий и демонстрирует убедительные примеры его применения. В частности, он опровергает общераспространенное мнение о назначении остроконечников с выемкой, считая их не острием дротика или копья, но специальным ножом для вспарывания туш.

Попытку подытожить исследования по неолиту Крыма содержит статья Бибикова.

Две другие статьи посвящены материалам античного Юга. Академик С. А. Жебелев остроумно доказывает, что 'Αρμένιοι ольвийских надписей являются переселенцами из города Армены (около Синопа), а не армянами, якобы переселенными в Ольвию Митридатом Евпатором. В статье А. К. Тахтая издается очень редкая у нас на юге черепица из эллинистического Жерсонеса, имеющая специальное отверстие с покрытием—кровельное окно.

Раздел отчетов о полевых исследованиях в IV выпуске очень велик. Мы узнаем, что в области палеолита с успехом продолжала работать Деснинская экспедиция (сообщение М. В. Воеводского), обнаружившая мустьерскую индустрию и фауну не только в Чулатове III, но и еще в трех пунктах. Особенно важна находка в овраге Язви, где пески, содержавшие мустьерское скребло, были перекрыты рисской мореиой. Стоянка Костенки IV (сообщение А. Н. Рогачева) дала два жилища, реконструируемые исследователем в виде длинных полуземлянок с двускатным перекрытием. Следует отметить также находки на этой палеолитической стоянке шлифованных изделий из камня. Сообщение М. В. Талицкого о раскопках самой северной в СССР Островской верхнепалеолитической стоянки на Чусовой содержит уточнение геологических условий ее залегания, а также описание материала, найденного около раскопанных кострищ. Особо следует отметить находку на Чусовой орудий раннемустьерского облика.

Как всегда, очень велик материал, добытый работами в Семиречье (сообщение А. Н. Бернштама). В Джамбульской области раскапывались Берккаринские курганы (III в. до н. э.—II в. н. э.). Здесь найдено много бытовых вещей и оружия, местного и китайского изготовления. Особенно интересны предметы скифского облика, в частности пряжка с изображением головы льва, держащего в пасти птицу. Разведки в Алмаатинской области открыли основные культурные центры и пути сношений этого края.

В долине реки Талас продолжались раскопки курганов с катакомбами местных кочевников начала н. э. Прекрасно сохранились органические остатки—деревянные части детской колыбели типа киргизских «пешик-бала», ложе из арчевых досок, а также одежды, имеющие в покрое сходство с одеяниями гуннов Ноин-Улинских курганов СВ Монголии. В Чуйской долине раскопки производились на городище Красная Речка и в замках его окрестностей. Один из замков оказался согдийским. На самом городище обращает внимание находка здания, украшенного внутри резьбой и раскраской в типе известных панелей, открытых в столице аббасидских халифов—Самарре. Раскопки на другом городище Ак-Пешин обнаружили «киданьский» квартал города Беласагуна.

Не менее обширен материал сообщения А. Ю. Якубовского о работах Зеравшанской экспедиции, работавшей на городищах Пейкенд и Тали-барзу. Исследованиями Пейкендского городища установлено его существование еще в Кушанское время. Значительно древнее городище Тали-барзу, где прослежена непрерывность напластований с начала I тысячелетия до н. э. и до VIII в. н. э.

Большой интерес вызывает сообщение М. Е. Массона о результатах археологического надзора на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина. Перечисление огромного числа находок и наблюдений, освещающих историю Ферганы с каменного века до последнего Кокандского ханства, заставляет с нетерпением ждать публикации развернутого отчета.

Продолжению раскопок древней Тиритаки посвящено сообщение В. Ф. Гайдукевича. Находка архаических терракот подтвердила древность поселения. Исследование развалин римского времени вскрыло новые рыбозасолочные ванны и остатки винодельни. По материалам верхних слоев удалось установить, что Тиритака была покинута населением только в VII—VIII вв. Из отдельных находок большое внимание привлекает амфора IV—V вв., в которой сохранилась нефтяная жидкость, употреблявшаяся, вероятно, для освещения и в медицинской практике. Раскопки белокаменного правобережного городка около ст. Цымлянской (сообщение И. И. Ляпушкина), давшего некогда имя «Белая Вежа» левобережному византийско-хазарскому Саркелу, осветили культуру этого поселения в VIII—X вв.

В 5 в ы п у с к открывается статьей Б. Б. Пиотровского «Припонтийские халдеи и халды», посвященной выяснению неправильности отождествления припонтийских халдеев с урартами и представления о том, что термин «халд» является племенным термином урартов. Касаясь этих специальных вопросов, автор показывает тесную связь неправильного их разрешения с ошибочными построениями в древней истории Закавказья, проникшими даже в учебники.

Вторая статья «Некоторые вопросы этногонии восточного славянства» П. Н. Третьякова стремится прежде всего, подытоживая результаты археологических исследований, представить картину этнического состояния Восточной Европы накануне образования славянских и финских племен. Рассматривая Поднепровье, Верхнее и Среднее Поволжье и Волгоокское междуречье около начала нашей эры, П. Н. Третьяков совершенно правильно находит там многочисленные группы населения, различные в культурно-историческом отношении. Это не позволяет считать население перечисленных областей однородным, якобы представляющим собой аморфную массу литовских и финно-угорских племен. Лишь в последующую эпоху на основе этой разнородной массы слагаются восточно-финские, славянские и прибалтийские племена. Следует пожелать скорейшего опубликования работы П. Н. Третьякова с развитой аргументацией.

В следующем разделе V выпуска «Кратких сообщений» спорный вопрос о происхождении лука приближает к разрешению доклад А. П. Окладникова, обращающего внимание исследователей на метательную стрелу долганского типа, как возможную подготовительную ступень к созданию лука.

В докладе «Золотая диадема из шамаиского погребения на р. Карагалинке» А. Н. Бернштам рассмотрел находку 1939 г. в Алмаатинской области. Диадема представляет собой изделие степных ювелиров, украшенное ажурным звериным орнамен-

том с инкрустацией камнями и эмалями. По стилю украшений она может быть датирована временем около начала нашей эры. В тематике изображения А. Н. Бернштам видит отражение шаманских представлений.

Другие статьи второго раздела («Жилые кварталы поздне-средневекового Херсонеса» А. Л. Якобсона, «Фрески XI—XIII вв. в Суздальском соборе» А. Д. Варганова и «Об археологическом изучении сельских феодальных поселений в пятинах Великого Новгорода» С. А. Таракановой) содержат также свежий материал большого значения и, вероятно, будут отражены в специальной литературе.

Третий раздел V выпуска содержит мелкие статьи и заметки.

Статья А. А. Иессена и Г. П. Сосновского «К истории использования олова в Приенисейском крае» должна привлечь внимание практических работников, так как указывает на глубокую древность использования местного олова на среднем Енисее.

Статья акад. С. А. Жебелева «Танаидские братья-приемыши», привлекая сравнительный материал, в частности устав афинского общества, группировавшегося вокруг культа Вакха-Диониса, ставит вопрос о возможности считать танаидских «братьев-приемышей» adoptированными со стороны лицами, отцы которых не были членами коллегии.

Статья О. А. Артамоновой «Древнейшее поселение на о. Березани» сообщает об остатках поселения с землянками, открытого на северной оконечности острова. Поселение хорошо датируется ионийской керамикой VI в.

Новые материалы по античной торговле дает заметка А. К. Тахтая «Античные клейменные пифосы из Херсонеса».

Постановка вопроса о надземных погребениях в среднем Поволжье в статье В. В. Гольмстен имеет не только местное значение. Статья заставит задуматься многих археологов, иногда много лет тщетно разыскивающих в той или иной местности древние погребения.

Четвертый раздел V выпуска знакомит с результатами новых исследований на палеолитической стоянке Буреть в Прибайкалье, где найдены новые статуэтки (сообщение А. П. Окладникова), и на стоянке позднего лесного неолита у Вой-Наволока на Онежском озере (сообщение Н. Н. Гуриной), с разнообразными исследованиями Северокавказской экспедиции 1939 г. (сообщение А. П. Круглова), с подземными жилищами на скифском поселении около Николаева (сообщение П. Н. Шульц), с результатами работ на савроматском городище Чудаки в Челябинской области (сообщение К. В. Сальникова). Особенно интересны выясненные Сальниковым в Чудаках остатки столбовых домов, до недавнего времени считавшихся исключительно западным явлением (ср. Лужицкие дома из Бискупинского городища, опубликованные М. В. Воёводским, ВДИ, 1938, № 2 (3)). V выпуск «Кратких сообщений» отмечает также 80-летний юбилей В. А. Городцова специальной статьей и списком трудов юбиляра, вышедших после 1929 г.

VI выпуск «Кратких сообщений» открывается изложением доклада М. И. Артамонова на сессии Отделения истории и философии АН СССР «Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси». Доклад этот подводит итог обсуждению макета двух первых томов «Истории СССР» и особо подробно излагает проблему этногонии славянства. М. И. Артамонов большое значение в консолидации славян, даже восточных, придает борьбе их с Восточно-Римской империей, когда в VI—VII вв. громадные массы славянства передвигались на юг, за Дунай. Что касается вопроса о «Руси», то на основании нового анализа источников М. И. Артамонов считает этот термин древним этническим, связанным с поднепровскими племенами, ставшим у них обозначением политического образования с центром в Киеве.

Итогам археологического изучения Средней Азии за двадцать лет посвящен доклад А. Ю. Якубовского «ГАИМК-ИИМК и археологическое изучение Средней Азии за двадцать лет».

Раздел статей открывается работой Г. В. Григорьева «Поселения древнего Согда», посвященной главным образом исследованиям автора на Тали-Барзу. Признавая боль-

щую ценность сделанных автором наблюдений, не можем не отметить опасность, тающую в его раскопчиом приеме—вскрытии разрезов по склонам городищ. Этот прием, некогда применявшийся А. А. Спицыным, дает большое количество находок, но всегда в путаной стратиграфии. В статье «Согдийская колонизация Семиречья» А. Н. Бернштам различает два колонизационных периода: III—IV в. и VI—IX вв. Вторая колонизационная волна кончается ассимиляцией согдийцев с кочевниками-тюрками. Из других статей: «Освоение огня»—П. И. Борисковского; заметка о скелетах из неолитического могильника Южного Оленьего острова—Е. В. Жирова; «Писаница на горе Кизех-Тах» в Хакаснии—Г. П. Сосновского; «Тиритакский клад»—А. Н. Зографы и «К вопросу о Киеве VIII—IX вв.»—М. К. Каргера,—каждая в своей области представляет оригинальное исследование новых памятников. Особое внимание привлечет последняя статья М. К. Каргера, где опубликованы данные о вновь открытом рве и вале, отграничивавшем некогда древнейший (до-владимировский) Киев,—небольшое городище на западной оконечности Андреевской горы. Для характеристики быта этого города большое значение имеют раскопки там же землянки VIII—IX вв.

В разделе полевых исследований прежде всего отметим сообщение А. П. Окладникова о новой мустьерской стоянке «Амир-Темир» в Узбекистане, недалеко от грота Тешик-Таш, знаменитого своим погребением мальчика-неандертальца. Сообщение С. П. Толстова «Хорезмская экспедиция 1939 г.» кратко излагает материалы, публикуемые в настоящем номере ВДИ. Из следующей заметки Т. Н. Книпович мы узнаем о результатах возобновленного исследования архаического некрополя Ольвии, для которого, как и для позднейших ольвийских кладбищ, оказывается характерным наличие двух связанных друг с другом групп—греческой и туземной. Нельзя не отметить и последнего сообщения А. П. Смирнова об открытой им бане в Булгаре на Волге. Прекрасная сохранность развалин знакомит нас с многокомнатной баней золотоордынского города снабженной водопроводом, ваннами и фонтаном с изящным водоемом. Упомянем также заканчивающую VI выпуск информацию о находке на Яве остатков четвертого питекантропа.

В VII в ы п у с к е «Кратких сообщений ИИМК» мы прежде всего находим материалы пленума Института, посвященного археологическому изучению Карело-Финской республики. Доклад В. И. Равдоникаса «Археологические памятники западной части Карело-Финской ССР» подводит итог последним исследованиям и показывает на ряде примеров, что западное и северное Приладожье и в неолите и даже в VIII—XI вв. оказывается в большей степени связанным с восточными районами, чем с областями современной Финляндии. Что же касается карельской культуры, известной нам по памятникам XII—XIV вв., то В. И. Равдоникас доказывает, что корни ее нужно искать в древнерусских курганах IX—XI вв. в южном и восточном Приладожье. Два других доклада—Б. Ф. Землякова и Н. Н. Гуриной—существенно дополняют В. И. Равдоникаса, первый—рассмотрением геологической истории Карело-Финской республики в четвертичное время в связи с проблемой заселения человеком севера Европы, второй—сообщением новых материалов по неолитическим поселениям на северо-восточном берегу Онежского озера.

Особое место занимает статья В. А. Петрова «Некоторые приемы исследования растительных остатков с мест археологических раскопок». Автор прежде всего обращает внимание археологов на возможность интереснейших выводов из исследования растительных остатков, позволяющих судить о разных сторонах быта, о хозяйстве и пищевом режиме. Затем автор предлагает вполне реальный в условиях нашей археологической практики путь создания определителя времени по шкале древесных колец. Если советские археологи горячо возьмутся за собиранье находимых при раскопках древесных остатков, мы получим определители не менее надежные, чем американские. Среди других статей и заметок отметим сообщение П. Н. Борисковского о жилище первой Пушкаревской палеолитической стоянки на Десне, близком к описанным Рогачевым на стоянке Костенки IV; сообщение Г. П. Сосновского о новых верхне-палеолитических местонахождениях на Енисее и в том числе о находках около г. Кызыл-Хото в Тувин-

ской Народной Республике; сообщение А. П. Окладникова о совместном погребении мужчины и женщины у с. Буреть на Аигаре, относящемся к Глазковской стадии, а также сообщение Б. Е. Дегена «О загадочных предметах из скифских погребений», которые определяются автором по аналогии с находками проф. Филова как часть портупей.

В заключение нельзя не упомянуть опубликованных в VII выпуске материалов обследования останков Ярослава Мудрого. Рентгенологу-анатому проф. Д. Г. Рохлину удалось не только доказать принадлежность доставленных из Киева останков Ярославу, но воссоздать его характеристику и историю его болезни, превратившей удалого предводителя дружин в усидчивого администратора, любителя книг и знатока языков. Не менее интересны результаты исследования антропологом В. В. Гинзбургом останков женщины, найденной в гробнице Ярослава в Киевской Софии. Северный тип черепа, а также соответствующий ему высокий рост заставляют вспомнить о жене Ярослава Ирине-Ингигерд, дочери шведского короля Олафа. Она умерла после Ярослава в возрасте 56 лет, что также соответствует возрастным особенностям женщины из гробницы Ярослава. В этой же связи были подвергнуты исследованию так наз. «мощи» Анны, другой жены Ярослава, хранящиеся в Новгородском Софийском соборе. Это оказались останки молодой женщины, что вполне согласуется с предположением о наличии у Ярослава до Ингигерд первой жены, повидимому скоро умершей еще во время пребывания Ярослава в Новгороде. Особо следует отметить опубликование научной реконструкции физического облика Ярослава Мудрого, выполненной М. М. Герасимовым. Это уже не первая работа талантливого художника-антрополога. Однако она особенно ценна тем, что издание ее сопровождается статьей автора, излагающей принципы и методику его реконструкций. Статья убеждает в их продуманности и строгой научности.

Просмотренные четыре выпуска «Кратких сообщений ИИМК» выгодно отличаются от первых трех большим числом иллюстраций и при этом не плохого качества. Это также говорит в пользу издания, дальнейших выпусков которого будем ждать с нетерпением.

С. Киселев

А. Я. БРЮСОВ. *История древней Карелии.* «Труды Госуд. Исторического музея». Выпуск IX. Изд. ГИМ. М., 1940. 320 стр. с рис. и картами. Тираж 1150 экз. Цена 28 р. 50 к.

Героическими действиями Красная армия ликвидировала попытки создания в Финляндии военного плацдарма против СССР. На присоединенных территориях строится новая жизнь Карело-Финской Советской Социалистической Республики.

Естественно, вырос интерес и к прошлому новой братской республики. Поэтому работа А. Я. Брюсова «История древней Карелии», несомненно, привлечет к себе внимание не одних только специалистов. Книга А. Я. Брюсова выгодно отличается доступностью изложения и литературностью языка. Несмотря на то, что она построена почти исключительно на археологическом материале, последний не перегружает текст, который воспринимается легко. Основные положения и выводы сформулированы автором ясно и просто.

Заслуживает быть отмеченным и широкое использование А. Я. Брюсовым этнографического материала. Это позволило автору доказать наличие у древнего населения Карелии ряда особенностей, которые по одним археологическим памятникам не были бы обнаружены.

Рецензируемая книга рассматривает древнейшие периоды Карелии, начиная с III по I тысячелетие до н. э. Изучая археологические памятники, значительная часть которых была исследована им самим, А. Я. Брюсов приходит к следующим положениям.